

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕПКИН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела Дальнего Востока

Институт восточных рукописей Российской академии наук;
доцент Департамента востоковедения и африканистики
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-0007-1143; vshepkin@gmail.com

РОССИЯ И ПЕТР I В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯПОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ СИБА РЁТАРО

Аннотация. Сиба Рётаро (1923–1996) – один из наиболее популярных и читаемых в Японии писателей второй половины XX века. Он работал в жанре исторического романа, уделяя особое внимание новой истории Японии, и в том числе ее отношениям с соседними странами. Сиба имел свой собственный взгляд на историю и культуру России и даже посвятил ей отдельную книгу-эссе. Популярность произведений писателя и снятых по их мотивам телевизионных сериалов и фильмов в Японии позволяет предположить сильное влияние его идей на историческое сознание современных японцев. В статье рассматривается контекст и причины обращения Сиба Рётаро к теме истории российско-японских отношений и истории России в целом. Анализируются наиболее значимые тексты писателя, посвященные России, выявляются основные аспекты образа России в них. Определяются две основные функции России в текстах Сиба: как фактор истории Японии и как «другой» Японии для формирования национальной идентичности. Отдельно рассматривается образ Петра I на страницах книг Сиба Рётаро, выявляется его амбивалентный характер: с одной стороны, Петр предстает как инициатор модернизации и создатель новой России, с другой – остается воплощением российского самодержавия со всеми его минусами. Именно в последнем Сиба видит причину успеха российской модернизации, что наделяет ее двойственным смыслом. Статья является первым в российском японоведении опытом обращения к текстам Сиба Рётаро как источнику для изучения образа России и Петра I в Японии, что составляет научную новизну. Творчество японского писателя наглядно показывает, что история, в том числе история двусторонних отношений, продолжает играть важную роль в восприятии России в Японии, а потому обращение к вопросам исторической памяти и ее формирования представляется актуальным.

Ключевые слова: Сиба Рётаро, Петр I, период Мэйдзи, российско-японские отношения, модернизация, историческая литература, образ России, образ Петра I

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

Для цитирования: Щепкин В. В. Россия и Петр I в исторической концепции японского писателя Сиба Рётаро // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 77–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.659

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы исторической памяти и исторического сознания чрезвычайно актуальны в современной Японии, учитывая тот факт, что международные отношения в Восточной Азии до сих пор определяются ситуацией, сложившейся в регионе в результате Второй мировой войны и послевоенного противостояния советского и американского блоков. Эта ситуация стала прямым следствием более чем полувековой военной активности Японской империи на мате-

рике. Оценка этого периода японской истории самими японцами остается важным фактором в диалоге со странами-соседями, зачастую вызывая в них вспышки негодования и критики. Не последнюю роль в формировании исторического сознания современных японцев играют художественная литература и кинематограф.

В данной статье для изучения некоторых аспектов исторического сознания в Японии мы посчитали необходимым обратиться к творчеству писателя Сиба Рётаро (1923–1996).

За пределами Японии он известен не так широко, однако на родине является популярнейшим автором второй половины XX века и «народным писателем». Он работал преимущественно в жанре исторической прозы, из-под его пера вышло 44 крупных романа, 156 небольших повестей и рассказов, а количество эссе, диалогов, интервью, записей его лекций и выступлений на круглых столах не поддается исчислению. На 2016 год совокупный тираж его книг превышал 150 миллионов экземпляров: это означает, что буквально в каждом японском доме есть книги Сиба Рётаро. По мотивам его произведений снято около двух десятков фильмов и телевизионных сериалов, пользующихся неизменной популярностью зрительской аудитории. При этом Сиба Рётаро чрезвычайно далек от статуса популярного беллетриста. Как отмечает К. О. Саркисов, в своем творчестве японский писатель прошел эволюцию «от уровня увлекательных исторических романов Пикуля к толстовской традиции гуманистической истории, отраженной в “Войне и мире”»¹. Отличительной особенностью его поздних романов, в том числе посвященных истории российско-японских отношений, были пространные отступления с экскурсами в отдельные вопросы истории или собственными размышлениями на связанные с основным повествованием темы. Именно эти отступления позволили автору сформировать свой неповторимый стиль, столь полюбившийся японскому читателю и предопределивший популярность его книг, в том числе нехудожественных. Все это делает Сиба Рётаро одним из наиболее влиятельных интеллектуалов Японии, чье творчество формирует историческое сознание современных японцев, а исследователям позволяет обращаться к его текстам для реконструкции их представлений об истории – как собственной, так и соседних стран.

Изучение и осмысление творчества Сиба Рётаро в России и на Западе только начинается. Американский японовед Дональд Кин включил его в число пяти современных японских классиков в своей книге, основанной в том числе на личном опыте общения с писателями [8]. Наследию Сиба Рётаро посвящена также глава в коллективной монографии «Японский культурный национализм: на родине и в Азиатско-Тихоокеанском регионе» под редакцией Роя Старрза [9]. Примерно в то же время, что и упомянутые исследования, стали выходить переводы романов Сиба Рётаро на английский язык: «Кукай» (2003), «Последний сёгун: жизнь Токугава Ёсинобу»

(2004), «Маньчжурский ураган» (2007) и «Облака на вершине склона» (2015).

В России переводы Сиба Рётаро начали появляться раньше, чем на Западе. Еще в 1999 году увидело свет русское издание его эссе «О России: изначальный облик Севера»². В 2005 году вышел перевод романа «Последний сёгун». Тогда же началась публикация перевода диалогов Сиба Рётаро и Дональда Кина под названием «Японцы и японская культура» [4] (главы 2 и 3 вышли значительно позже, см. [5], [6]). При этом объектом исследования творчество Сиба Рётаро пока становится нечасто. Одним из первых, кто обратился к трудам писателя в контексте российско-японских отношений, был А. Бух с его книгой «Япония: национальная идентичность и внешняя политика», русский перевод которой вышел в 2012 году [1]. В главе «“Оригинальные формы” Японии и России у Сибы» ученый подробно анализирует нарратив японского писателя о России и устанавливает, каким образом его тексты способствовали «углублению и популяризации иерархической конструкции отношений Японии и России» [1: 133]. Своего рода обзором книги Сиба «О России» и ее анализа А. Бухом можно назвать статью М. П. Герасимовой [2].

В данной статье мы рассмотрим основные аспекты образа России в творчестве Сиба Рётаро, уделив особое внимание его сравнительному анализу российской и японской модернизации, а также взглядам писателя на фигуру Петра I и его место в истории России.

РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СИБА РЁТАРО: КОНТЕКСТ И АСПЕКТЫ ОБРАЗА

Сиба Рётаро можно отнести к послевоенному поколению японских интеллектуалов, в центре внимания которых был поиск новых основ для идентичности японцев, или же – в терминологии Сиба – «изначальной формы», то есть того неизменного в характере и сущности жителей страны, что определяет ход ее истории. Япония потерпела сокрушительное поражение во Второй мировой войне, стала первой и единственной страной, испытавшей на себе ядерные бомбардировки, пережила период унизительной оккупации, послевоенного экономического упадка и краха пестуемых на протяжении нескольких поколений ценностей. Довоенная идеология имела своим главным инструментом миф и историю: божественное происхождение Японии и японцев, непрерывное правление императорской династии, многочисленные примеры верноподданничества. Теперь же история оказалась скомпрометирована, и на первый

план вышли идеи и теории этнологов, археологов, психологов. Разрушенный миф и возвращение в островные границы создали пространство для дискуссий о происхождении японцев: взгляды ученых и общественности были устремлены в глубокую древность, чтобы заново обрести свои корни и связь с архипелагом [3: 232–253].

После того как Япония оправилась от ужасов войны и оккупации и начался период бурного экономического роста 1960-х годов, осмысление истории своей страны, особенно предшествующего столетия, определение того, что было нормой, а что отклонением от нее, стало все больше занимать умы японских интеллектуалов. В особенности эти дискуссии активизировались накануне и во время празднования столетия революции Мэйдзи в 1968 году. Пожалуй, неслучайно, что именно в этом году началась публикация романа Сиба Рётаро «Облака на вершине склона» — центрального в его творчестве.

Одну из главных своих задач как автора исторических романов и общественного деятеля Сиба видел в поиске путей примирения японцев с собственным прошлым, особенно недавним. Он высоко оценивал «созидательные» и основанные на политическом реализме эпохи Эдо (1603–1867) и Мэйдзи (1868–1912), но критично относился к периоду от победы в Русско-японской войне до поражения во Второй мировой, когда в политике взял верх догматизм³. Такая позиция выгодно отличала его в глазах рядовых японцев как от большинства историков 1950–1960-х годов с их марксистскими взглядами, так и от консерваторов, которые либо игнорировали довоенный период японской истории, либо пытались его обелить [1: 137].

В восьмитомном романе «Облака на вершине склона» (1968–1972) Сиба Рётаро рисует картину Японии периода Мэйдзи, создающей новое современное государство, открытое миру. Главные герои книги – братья Акияма Ёсифуру (1859–1930), генерал армии и «отец японской кавалерии», и Акияма Санэюки (1868–1918), вице-адмирал и герой Цусимского сражения, а также их друг детства, писатель и реформатор японской поэзии Масаока Сики (1867–1902). Все они ровесники революции Мэйдзи и зримое воплощение страны, идущей по пути обновления через обучение у Запада. На протяжении романа мы видим, как вместе со всей страной они проходят этот нелегкий путь: ищут места приложения своих талантов, едут учиться за границу, преодолевая языковые и культурные барьеры, переживают унижения и первые победы. Кульмина-

цией романа становится Русско-японская война, в которой новая молодая Япония убедительно демонстрирует всему цивилизованному миру свое превосходство над самодержавной консервативной Россией. Однако Россия становится антагонистом Японии не только в заключительных главах романа: благодаря тому что один из героев отправляется на учебу именно в Россию, автор имеет возможность неоднократно прибегать к скрытым сравнениям плодов и самого хода модернизации в двух странах. В результате, если Запад становится для Японии ориентиром и объектом устремлений, то роль России амбивалентна: с одной стороны, она – живой пример модернизации, способный продемонстрировать все ее плюсы и минусы, то есть, как и Запад, сыграть роль учителя; с другой стороны, Россия – главный соперник не только в борьбе за влияние в Северо-Восточной Азии, но и в самом ходе модернизации как условии успеха в этой борьбе.

Еще один роман, где Сиба много места отводит России и истории отношений с ней, – «Море цветущего рапса» (1979–1982). Главным героем книги стал торговец Такатая Кахээ (1769–1827), известный тем, что проложил пути морских перевозок между островами Хоккайдо, Итуруп и Кунашир в 1799–1802 годах, когда эти земли перешли в прямое подчинение военного правительства Токугава, а также своей ролью в освобождении из японского плена российского капитана флота В. М. Головнина в 1813 году. Таким образом, на страницах этого романа Сиба Рётаро «сводит» уже столетие назад вступившую на путь модернизации Россию и еще «закрытую» и спящую мирным сном Японию. Однако закрытость и «сон» – лишь видимость и стереотип. Сиба неслучайно делает своим героем морского торговца: это дает ему повод, во-первых, подробно описать меркантилистскую экономику второй половины периода Эдо с ее справедливым распределением доходов, высокой грамотностью населения и миролюбивым отношением к соседним странам, а во-вторых, сравнить «морские» потенции Японии и Запада (в лице России): ведь если на Западе флагманом развития морского дела и навигации является военно-морской флот, то в Японии – такие, как Такатая Кахээ, мирные торговцы, связывающие Японию сетью прибрежных маршрутов в единое рыночное пространство, нацеленное на равномерное распределение благ.

Наконец, в книге «О России: изначальный облик Севера», написанной, по признанию самого автора, в результате длительных размышлений

о нашей стране в ходе работы над вышеупомянутыми романами, Сиба Рётаро берется за поиск «изначальной формы» России. Как точно формулирует А. Бух, наиболее константными национальными характеристиками России в его представлении выступают шовинизм, экспансия и «ненормальная» вера в военную силу как средство решения любых проблем, а их источниками он видит монгольское влияние на формирование Русского государства в XV–XVI веках [1: 145]. При этом, повествуя о России, Сиба постоянно прибегает к своему излюбленному приему неявных сопоставлений российского и японского прошлого. Так, например, он отмечает примерно одновременное появление в двух странах огнестрельного оружия в XVI веке, однако в России оно становится основным средством победы над бывшими властителями – «кыпчакскими ханами» и дальнейшей вооруженной экспансии в Сибирь, в то время как в Японии служит объединению и возвращению в страну мира и процветания⁴.

Итак, в трех наиболее значимых текстах Сиба Рётаро, затрагивающих историю России и отношений с ней, Россия выступает по большому счету в двух ипостасях: 1) как фактор истории Японии – от первых попыток установления торговли в конце XVIII века, через переходный период Бакумату, когда Россия играет позитивную роль в «открытии» Японии миру, к колониальному соперничеству в Северо-Восточной Азии на рубеже XIX–XX веков; 2) как «другой» Японии – в непрерывном процессе национальной самоидентификации, также начавшемся около середины XIX века и продолжающемся до сих пор.

СИБА РЁТАРО О ПЕТРЕ I И ЕГО МЕСТЕ В ИСТОРИИ РОССИИ

Выше мы определили причины интереса Сиба Рётаро к России, основные сюжеты российской истории, на которые он обращает внимание, а также составляющие «изначальной формы» России в концепции писателя. Далее рассмотрим место Петра I в истории России в представлении Сиба Рётаро и его значение для японской истории.

В книге «О России: изначальный облик Севера» Сиба уделяет Петру довольно мало места. Поскольку в центре его внимания находится история российско-японских отношений и, как их предпосылки, история освоения Сибири, он указывает лишь на значение деятельности Петра по созданию и развитию российского флота, в том числе судостроения на Дальнем Востоке, широкому внедрению артиллерии, а также

упоминает о приеме Петром в 1702 году японского моряка Дэмбэя, потерпевшего крушение у берегов Камчатки, и об интересе царя к рассказу Дэмбэя о Японии. Лишь вскользь Сиба замечает, что «за исключением сельского хозяйства в России все началось с Петра I»⁵, указывая тем самым на революционную сущность его деятельности, однако содержательная ее сторона, равно как и оценка, остаются вне поля зрения писателя.

Гораздо более подробное описание деятельности Петра и его места в истории России мы обнаруживаем во втором томе романа «Облака на вершине склона». В главе «Великие державы», посвященной троистенному вмешательству России, Германии и Франции в итоги Японо-китайской войны 1894–1895 годов, Сиба помещает пространное отступление, раскрывающее его видение сути России и ее исторического пути⁶. Согласно Сиба Рётаро, в домонгольский и монгольский периоды своей истории русские представляли собой мирный оседлый земледельческий народ Восточной Европы без собственного государства, знатки государственности были привнесены в их земли норманнами – Рюриком и его потомками, позже русские были завоеваны монголами и стали частью их империи. Начало формирования русской государственности он относит ко времени правления Ивана III, а окончательное становление – к царствованию первых Романовых. В это же время происходит стремительный процесс покорения Сибири, приведший к тому, что в самом начале XVIII столетия Россия и Япония стали соседями. Собственно, здесь Сиба и переходит к описанию Петра I и его заслуг. Он называет его «выдающимся человеком» (кёдзин 巨人 – великан, гигант), царем-революционером, разграничившим собой историю России на до и после. Именно с правлением Петра Сиба связывает наступление в России Нового времени (近代), то есть того периода, который в Японии однозначно ассоциируется с периодом Мэйдзи. Он подробно пишет о детских годах Петра и его увлечениях механизмы, оружием, навигацией, кораблестроением, оканчивая каждый пассаж фразой о том, что если бы Петр не родился царем, то стал бы лучшим в России плотником, инженером, мореплавателем или артиллеристом. Далее Сиба говорит о том, что эта любовь Петра к технике сформировала его механистический, абсолютно рациональный, «прямой» взгляд на мир и предопределила приверженность ко всему западному.

Говоря о наиболее известных реформах Петра, Сиба постоянно приводит им в пару аналогичные реформы императора Мэйдзи в Японии: «Великое посольство» Петра в Европу и «миссия Ивакура Томоми», налог на ношение бороды и запрет самурайской прически *тёммагэ* и т. д. При этом Сиба ни разу не сравнивает Петра с самим императором Мэйдзи, вероятно, прекрасно осознавая, что последний был лишь знаменем в руках своих ближайших подданных и зримым символом модернизации, но не ее инициатором. Однако в попытке объяснить японскому читателю масштаб личности Петра Сиба все же находит сопоставимые с ним фигуры в японской истории: это Симадзу Нариакира (1809–1858) и Набэсима Кансо (1815–1871) – два князя-даймё, которые в самом конце периода Эдо возглавляли княжества Сацума и Сага, сформировавшие костяк оппозиции правительству Токугава. Оба князя еще задолго до начала переговоров центрального правительства с западными странами активно увлекались западными науками и технологическими новшествами, а также начали в своих владениях реформы под общим лозунгом «Богатая страна – сильная армия», укрепляя финансовое положение и обороноспособность и стремясь превратить свои княжества в подобие современных европейских государств. Именно под руководством Симадзу Нариакира начинали свою политическую карьеру будущие лидеры революции Мэйдзи Сайго Такамори (1828–1877) и Окубо Тосимити (1830–1878), позже претворившие многие его идеалы и замыслы на общенациональном уровне.

При этом, сравнивая этих японских деятелей с Петром I, Сиба отмечает, что в отличие от них Петр совершенно не обладал хорошим воспитанием и не был силен в гуманитарных науках (в традиционном для Восточной Азии широком понимании этого термина как антонима военного дела), в то время как Симадзу Нариакира был знатоком китайской истории и литературы, а Набэсима Кансо – одним из лучших поэтов Японии своего времени. Петр же, по его словам, не мог написать без ошибки ни единого документа, а во время путешествия в Европу был в центре любых беспчинств, устраивавшихся его спутниками. Тем не менее его работа на верфи рядовым плотником как пример личной вовлеченности в дело реформирования государства является для Сиба определяющей чертой характера русского царя и обнаруживает в нем элемент «чудесного», чего-то, чем не мог похвастаться ни один правитель Востока и Запада. Тем не менее свой

панегирик Петру Сиба Рётаро заканчивает мыслью о том, что весь успех реформаторской деятельности российского государя определялся не столько его личными «чудесными» качествами, сколько неограниченной самодержавной властью, которой он обладал. Он перечисляет сильнейших правителей Японии – Минамото Ёритомо, Тоётоми Хидэёси, Токугава Иэясу и приходит к выводу, что все они были менее свободными, чем Петр, его предшественники или потомки. «Великую культурную революцию, совершенную Петром, мог осуществить только российский царь»⁸, – завершает свое повествование Сиба.

Таким образом, в воззрениях Сиба Рётаро Петр I предстает как положительный герой российской истории, который собственно-ручно вывел свою страну из полуварварского прошлого. Он – безусловный пример ускоренной модернизации не только в военно-технической, но в культурной и гуманитарной сферах. В то же время он остается воплощением российского самодержавия с его, с одной стороны, невероятными возможностями в мобилизации ресурсов, а с другой – самодурством, чрезмерным увлечением силой и враждебностью к соседям. Такая характеристика Петра дает повод рассматривать российскую модернизацию как вынужденную или даже случайную, половинчатую и норовящую обернуться вспять. На этом фоне начавшаяся на полтора столетия позже японская модернизация воспринимается писателем как предопределенная судьбой⁹.

Комментируя взгляды Сиба на российскую историю, Такахаси Сэйтиро приводит замечание известного японского просветителя Фукудзawa Юкити о том, что Россия спустя столетие после Петра и во многом благодаря его начинаниям одержала великую победу над наполеоновской Францией (как и Япония, в результате успешной модернизации сумевшая одолеть Россию в Русско-японской войне), однако после этого имел место консервативный «откат», особенно в правление Николая I, когда запрещались многие западные газеты, журналы и книги, а школьники и студенты облачились в форму, напоминающую военную [10: 29].

Россия и Япония заключили свой первый договор о торговле и границах в последний год правления Николая I. К этому времени Петр I все еще мог оставаться для японцев ярким примером успешной модернизации и источником вдохновения [7], однако современная им Россия таким примером могла стать уже едва ли. В этом смысл-

ле Сиба высоко оценивал симпатии мэйдзийских лидеров к странам Западной Европы, а не к России и с досадой воспринимал очарованность одного из ключевых деятелей периода Мэйдзи маршала Ямагата Аритомо (1838–1922) блеском российского императорского двора во время его посещения коронации Николая II в 1896 году [10: 23], а также считал большой ошибкой аннексию Кореи после Русско-японской войны, проводя аналогию с присоединением Россией Царства Польского по результатам Венского конгресса [10: 46–47].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно заключить, что на страницах книг Сиба Рётаро Петр I предстает своего рода олицетворением России и ее истории. Он прямой продолжатель и приверженец самодержавной традиции, унаследовавший от своих предшественников как методы управления, так и цели. Начатая им модернизация –

результат необходимости противостоять мощи западных стран в реализации своих экспансионистских устремлений, но не логическое продолжение предшествующего развития. При этом ее реализация и поддержание осуществляются исключительно за счет неограниченной власти. Отсюда и ее половинчатый характер, уже спустя столетие приведший к регрессу и консервации элит. При этом амбивалентный характер образа Петра во многом отражает и восприятие японским писателем России. Именно в петровское правление Россия фактически обретает общие границы с Японией и становится фактором японской истории, спустя полтора столетия подтолкнувшим ее на тот же путь модернизации. Однако к этому времени Россия представляет собой негативный пример реформирования, а рост ее могущества в Восточной Азии приводит к тому, что она становится еще и главной причиной реализации лозунга «Богатая страна – сильная армия» в Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Нумано М., Саркисов К. О. Вступительная статья // Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера / Пер. с яп. С. А. Быковой и С. Кавамуры. М.: МИК, 1999. С. 13.
- ² Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера / Пер. с яп. С. А. Быковой и С. Кавамуры. М.: МИК, 1999. 200 с.
- ³ 司馬遼太郎. 東と西 (Сиба Рётаро. Восток и Запад. Токио, 1990. С. 9–10).
- ⁴ Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера. С. 49–50.
- ⁵ Там же. С. 91.
- ⁶ 司馬遼太郎. 坂の上の雲 (Сиба Рётаро Облака на вершине склона. Т. 2. Токио, 2011. С. 331–359).
- ⁷ Там же. С. 341–342.
- ⁸ Там же. С. 343.
- ⁹ Там же. С. 339.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как другое Японии. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
2. Герасимова М. П. Сиба Рётаро: очерки о России и национальное самосознание автора // Японские исследования. 2019. № 3. С. 6–22.
3. Мещеряков А. Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда: Этнология как форма существования японского народа. М.: Лингвистика, 2020. 352 с.
4. Симонова Е. В. Японцы и японская культура // Вестник Новосибирского университета. Серия: История, филология. 2005. Т. 4. № 3. С. 140–152.
5. Симонова Е. В. Рётаро Сиба, Дональд Кин. Японцы и японская культура // Вестник Новосибирского университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 10. С. 108–116.
6. Симонова Е. В. Рётаро Сиба, Дональд Кин. Японцы и японская культура (Глава 3) // Японские исследования. 2017. № 4. С. 19–32.
7. Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490
8. Keene Donald. Five modern Japanese novelists. New York: Columbia University Press, 2005. 144 p.
9. Starrs Roy (Ed.). Japanese cultural nationalism: at home and in the Asia Pacific. Folkestone, Kent: Global Oriental, 2004. 295 p.
10. 高橋誠一郎. 司馬遼太郎とロシア. 東京, 2010. 64頁 (Такахаси Сэйтиро. Сиба Рётаро и Россия. Токио, 2010. 64 с.)

Original article

Vasili V. Shchepkin, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of
Sciences; HSE University – St. Petersburg
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0007-1143; vshchepkin@gmail.com

RUSSIA AND PETER THE GREAT IN THE HISTORICAL CONCEPTION OF JAPANESE WRITER SHIBA RYOTARO

A b s t r a c t. Shiba Ryotaro (1923–1996) is one of the most popular Japanese writers of the second half of the XX century. He worked in the genre of historical novel focusing on the history of early modern and modern Japan, including its relationship with the neighbouring countries. Shiba had his own view on the history and culture of Russia and even wrote a separate book about it. The popularity of Shiba's works, as well as television series and films based on them in Japan suggests a strong influence of his ideas on the historical consciousness of the contemporary Japanese. This article examines the context and reasons for Shiba Ryotaro's appeal to the history of Russia-Japan relations and the history of Russia as a whole. The author analyzes Shiba's most significant texts about Russia and identifies the main aspects of this country's image in them. Two main functions of Russia in Shiba's texts are identified: as a factor in Japanese history and as the "Other" for Japan in the formation of its national identity. The image of Peter the Great on the pages of Shiba's books is also considered to reveal its ambivalent nature: on the one hand, Peter is portrayed as the initiator of modernization and the creator of a new Russia, while on the other hand, he remains the embodiment of the Russian autocracy with all its faults. It is in the latter that Shiba sees the reason for the success of Russian modernization, which also gives it a dual meaning. This paper is the first-of-its-kind Russian analysis of Shiba Ryotaro's texts as a source for studying the images of Russia and Peter the Great in Japan. Shiba's books clearly illustrate that history, in particular the history of Russia-Japan relations, remains important for how Russia is perceived in Japan, therefore, studying the concept of historical memory and the mechanisms of its formation is highly relevant.

K e y w o r d s : Shiba Ryotaro, Peter the Great, Meiji Japan, Russia-Japan relations, modernization, historical fiction, image of Russia, image of Peter the Great

A c k n o w l e d g e m e n t s . The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 "Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation".

F o r c i t a t i o n : Shchepkin, V. V. Russia and Peter the Great in the historical conception of Japanese writer Shiba Ryotaro. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):77–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.659

REFERENCES

1. B u k h , A . Japan's national identity and foreign policy. Moscow, 2012. 280 p. (In Russ.)
2. G e r a s i m o v a , M . P . Shiba Ryotaro: essays on Russia and the author's national identity. *Japanese Studies in Russia*. 2019;3:6–22. (In Russ.)
3. M e s h c h e r y a k o v , A . N . Staying Japanese: Yanagita Kunio and his crew: Ethnology as a form of existence for the Japanese people. Moscow, 2020. 352 p. (In Russ.)
4. S i m o n o v a , E . V . The people and culture of Japan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2005;4(3):140–152. (In Russ.)
5. S i m o n o v a , E . V . The people and culture of Japan. Conversations between Donald Keene and Shiba Ryotaro. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2016;15(10):108–116. (In Russ.)
6. S i m o n o v a , E . V . The people and culture of Japan (Chapter 3). Conversations between Donald Keene and Shiba Ryotaro. *Japanese Studies in Russia*. 2017;4:19–32. (In Russ.)
7. S h c h e p k i n , V . V . Early information about Peter I and shaping of his image in Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490 (In Russ.)
8. K e e n e , D o n a l d . Five modern Japanese novelists. New York, 2005. 144 p.
9. S t a r r s , R o y (E d .) . Japanese cultural nationalism: at home and in the Asia Pacific. Folkestone, Kent, 2004. 295 p.
10. 高橋誠一郎. 司馬遼太郎とロシア. 東京, 2010. 64頁.

Received: 8 February, 2021; accepted: 28 June, 2021